

Вельский районный муниципальный краеведческий музей
имени В.Ф. Кулакова Архангельской области

ВАЖСКИЙ КРАЙ:
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА
Исследования и материалы

Выпуск 4

1429557

ВЕЛЬСК
2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Г. А. Веревкина</i>	3
Раздел I. История.	
<i>Веревкина Г. А.</i> М. И. Романов – исследователь истории и культуры Устьи (по материалам Вельского краеведческого музея)	7
<i>Смирнова М. А.</i> Вельский краевед Александр Сафонов и его деятельность по изучению традиционной культуры Важского края (по материалам Вельского краеведческого музея)	13
Раздел II. Традиционная культура. Музей и современность.	
<i>Биланчук Р. П.</i> Образ первопоселенца в устной исторической традиции Важского края	21
<i>Добрыднев В. А.</i> Обобществленная святыня	55
<i>Зимина Т. А.</i> Традиционная одежда крестьян Вельского уезда (по материалам коллекции РЭМ и «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева)	61
<i>Могутова Н. В., Чиркова Е. Б.</i> Народная одежда Поважья конца XIX – первой трети XX в.	75
<i>Желтов А. А.</i> Культура питания населения южного Поважья в конце XIX – начале XX в. как фактор заболеваемости и здоровья	83
<i>Балуевская С. В.,</i> Похоронно-поминальная обрядность Верховажского района Вологодской области (по материалам фольклорных экспедиций ЦГНК ВГПУ)	94
<i>Полякова А. В.</i> Песенно-хореографические формы фольклора в традициях верховьев р. Вага	102
<i>Дубов А. В.</i> Мужская исполнительская традиция Вологодской области: проблемы восстановления	116

странения и распределения по участкам эпидемических заболеваний за май 1910 года // ВСО ВГ. 1910. Вып. 7. С. 419–437.

²⁹ Распределение заразных заболеваний по уездам и волостям Вологодской губернии за 1910 год // ВСО ВГ. 1911. Вып. 2. С. 28–29.

³⁰ Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Вологда, 1909. Т. 4: Вельский уезд, вып. 1. С. 271–273.

³¹ Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Вологда, 1912. Т. 5: Кадниковский уезд, вып. 2. С. 207.

³² Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. 4. С. 171.

³³ Там же.

³⁴ Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. 5. С. 207.

³⁵ Краткое санитарное описание местности, называемой] «Липки», Шелотской волости Вельского уезда // ВСО ВГ. 1906. Вып. 5. С. 319–320.

³⁶ Там же. С. 319–320.

³⁷ Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 106. Л. 5–6.

³⁸ Там же. Д. 100. Л. 26–27.

C. V. БАЛУЕВСКАЯ
(Вологда)

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ВЕРХОВАЖСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам фольклорных экспедиций ЦТНК ВГПУ)

Комплексное экспедиционное обследование территории Верховажского района Вологодской области проводилось Центром традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета в 2006–2008 гг. под научным руководством Г. П. Парадовской. В ходе полевых исследований была зафиксирована разнообразная информация по похоронно-поминальной обрядности, сохранность которой в современные дни свидетельствует об ее жизненной значимости и необходимости. Похоронно-поминальный комплекс является «одним из наиболее консервативных элементов культуры благодаря устойчивости определяющих представлений, на базе которых он сформировался»¹. Это представления о жизни и смерти, «своем» и «чужом» мире, «том свете», душе и т. д. Данный комплекс включает обряды, связанные с отчуждением покойного, постепенным переходом его из «мира живых» в «мир мертвых» и развернутую систему дальнейшего поминования умерших.

Похоронный период охватывает два–три дня и содержит следующие обрядовые моменты:

– обряжение покойного (обмывание, наряжение, определение места временного пребывания его в доме, наделение покойного «новым домом» – перекладывание в гроб);

– посещение умершего представителями рода, общины;

– покидание родного дома – проводы покойного;

– погребение.

В статье «Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности (поминальные дни)...» А. М. Мехнечев отмечает: «Особая значимость каждого действия, его выделенный средствами художественного сакральный характер возникает в силу устойчивой обрядовой направленности всех его элементов. Такими элементами становятся пространственно-временные характеристики, а также атрибутика каждого эпизода, роли и образ действия участников обряда»².

В похоронной обрядности близкие родственники умершего отстраняются от непосредственного контакта с ним, чтобы обезопасить семью/род от дальнейших потерь, поэтому все обрядовые действия совершаются, как правило, посторонними людьми. Обряжают покойного знающие практикующие старушки (Верховажье, 2636-26)³. Чужие люди занимаются изготовлением гроба, копанием могилы и пр.

Атрибуты обрядов, совершаемых с покойным, приобретают особые свойства, поэтому от них либо избавлялись (закапывали, сжигали, опускали в реку и т. п.), либо их использовали в дальнейшей лечебно-охранительной практике. «Семантическая связь реалий с первичным обрядовым текстом хорошо осознается, и именно она сообщает вторичным ритуалам особую сакральность и магическую силу»⁴. Так, мыло, которым обмывали покойного, по мнению деревенских жителей, способно успокоить любую боль (Верховажье, 2634-05). Его применяли как профилактическое средство от болезни суставов, при этом верили, что «никогда ноги и руки не заболят» у того, кто им пользуется (Олюшинское пос., д. Ботыжная, 2642-04). Успокаивающие свойства мыла использовали для оказания положительного воздействия на домочадцев. Например, чтобы упокоить хозяина дома, мыло выкладывали для мытья рук, приговаривая: «Как покойник не поднимается, так чтобы и мой муж (или сын) рук не поднял на жену, на детей!» (Нижнекулойское пос., д. Босыгинская, 2641-01). Эти же особенности мыла учитывали в обрядах со скотом. Чтобы подоить неспокойную корову, ее обмывали с приговором: «Как человек, которого обмыла этим мылом, лежал спокойно, так и ты, чтобы стояла спокойно, пока я дою» (Нижнекулойское пос., д. Герасимовская, 2671-27).

После обряжения покойного, на «сутний» угол дома обязательно вывешивали полотенце (или белую тряпичку), которым его вытирали. Деревенские жители верили, что умерший до сорокового дня «приходит» и «кутирается» этим полотенцем: «ходит душа умывательца домой сорок дней» (Верховажье, 2603-04); «он сорок дней ходит умывательце, домой приходит» (Коленгское пос., д. Удальцовская, 2610-31). По народным представлениям душа умершего «как птицка летает»: до девяти дней душа «летает» дома, с девятого до сорокового дня – «кружсаите над кладбищом», а после сорока дней – «ходит» на небеса (Нижнекулойское пос., д. Дьяконовская, 2626-18).

Полотенце, принадлежащее покойному, находилось на углу дома до сорокового дня, затем от него избавлялись: «а через сорок дней хто куды [полотенце девает]: хто около церкви закапывает, а хто-то на реку пускает» (Коленгское пос., д. Удальцовская, 2610-31). Полотенце выбрасывали в воду, чтобы «речка унесла» (Верховажье, 2603-05). При этом приговаривали, обращаясь к воде: «Бери, воля твоя, вода – вольна и сильна» (Сибирское пос., д. Боярское, 2645-03). Могли закопать полотенце в землю, высказывая пожелание: «Пусть земля ей будет мягким пухом! Пусть она теперь ко мне не ходит, пусть не умывается» (Коленгское пос., д. Ногинская, 2671-44). В Нижнекулойском поселении полотенце, снятое с угла дома, сжигали поздно вечером на перекрестке дорог, при этом наблюдали, в которую сторону идет дым от костра: дым в сторону кладбища был хорошим знаком (Нижнекулойского пос., д. Ореховская, 2640-06).

От смертной одежды покойного избавлялись подобным образом: ее либо сжигали, либо закапывали, либо отпускали в реку. Другие вещи, принадлежавшие умершему, после сорокового дня раздавали местным жителям. Считали, что «до сорока дней не надо шевелить [покойного и] раздавать [его вещи]» (Верховажье, 2603-05).

Для временного пребывания в доме покойного укладывали в «сутнем» углу на скамейку или стол «вдоль половиц» (Нижнекулойское пос., д. Ореховская, 2608-22). Расположение «вдоль половиц» обеспечивало, по мнению деревенских жителей, благополучный исход событий, так как «поперёк полу никто не жил, всё вдоль по полу ходили» (Олюшинское пос., д. Дор, 2619-22).

Важным обрядовым моментом являлось перемещение покойного в гроб – обретение «нового дома». При этом, снаряжая умершего в «другой мир», его наделяли всем необходимым: в гроб клали платочек, расческу, еду (хлеб, сахар в углы гроба) и обязательно приговаривали: «Одет, умыт – не ходи ко мне» (Нижнекулойское пос.,

д. Бревновская, 2649-23). Кусок хлеба с солью, положенный в гроб, был призван обезопасить живых от влияния умершего, обеспечить их дальнейшее благополучие. Это выражено в сопровождающем действие приговоре-наказе: «*Вот тебе, Михаил Иванович, ужна и обед – домой дороги нет!*» (Верховажское пос., д. Кошево, 2629-20); «*На тебе хлеб-соль, а нас не беспокой*» (Терменгское пос., д. Клыково, 2651-07); «*Вот тебе хлеб-соль и нас не тревожь*» (Олюшинское пос., д. Погост, 2613-07).

Чтобы покойный не причинил урон живым (не «увел» кого-либо из родных или домашних животных), от него откупались. Близкие родственники обходили гроб с умершим три раза, клали ему медные деньги и при этом приговаривали: «*Не тронь ни скота, ни живота! (Чтобы никого не тронул.) Я от тебя откупаюсь, кладу тебе денег в ноги в гроб*» (Чушевицкое пос., д. Владыкина Гора, 2616-07); «*Ты не ходи, не тронь нашово хозяйства!*» (Чушевицкое пос., д. Владыкина Гора, 2616-04).

Функцию оберега выполняли «записки», адресованные покойному и подготовленные с ним в дорогу (их клали в гроб к ногам умершего). В записке указывали: «*Валентин Викторович, в чево наряжён, тем будь доволен! С нас ничево не проси, неково не уводи: ни живота (вот животное-то тут дёржат), ни людя. Животные дак нам все нужны, дети дак нам все нужны! В чево наряжон, тем будь доволен. Вечный покой! Земля пух! (И три) Аминь...*» (Терменгское пос., д. Дор, 2656-06).

На протяжении всего времени нахождения покойного в доме его обязательно посещали родные, соседи, знакомые, представители деревенской общины: «*Гости приходят, люди прощатьца <...> одне уходят, другие приходят*» (Нижнекулойское пос., д. Ореховская, 2640-06).

Кульминацией похоронного периода является третий день, который насыщен обрядами, связанными с покиданием покойным родного дома и переходом его на новое местообитание.

В обрядовых действиях непосредственно похоронного дня большое значение уделяется различным звуковым проявлениям, таким как стук, грохот, топот и т. п. Как отмечают исследователи: «В ритуале два мира всегда противопоставлены друг другу на уровне звукового проявления»⁵. В обрядах похорон бинарная оппозиция «живой – мертвый» представлена как «звук – тишина». Покойный должен покинуть родной дом бесшумно, чтобы затем в буднее время не беспокоить живых – «не пугать» и «не стучать» (Нижнекулойское пос., д. Оре-

ховская, 2639-11). Поэтому гроб с телом умершего выносили из дома достаточно аккуратно, стараясь не задевать за стены и косяки, таким же образом перемещали его на кладбище и опускали в могилу. Живые наоборот старались насыщать звуками пространство. После выноса покойного оставшиеся в доме демонстративно закрывали две-ри дома так, чтобы они как можно «лучше состукали» (Нижнекулойское пос., д. Дьяконовская, 2626-17), переворачивали стол, скамейку (стулья), на которых находился покойный (Нижнекулойское пос., д. Урусовская, 2637-13). Еще более активно стучали в доме после захоронения и возвращения с кладбища. Новая хозяйка входила в дом и топала, утверждая: «Я – хозяйка!» (Олюшинское пос., д. Ботыжная, 2642-04). Затем обходила дом, дворовые постройки и простукивала палкой («бадогом»), маркируя пространство. По воспоминаниям деревенских жителей «заставляли, что на потолок сходи, да во двор сходи, да везде сходи, чтоб не бояться» (Нижнекулойское пос., д. Урусовская, 2637-13). Чтобы отогнать страх перед покойным, особо старались «обстучать» темные места, при этом приговаривали, утверждая: «Нет никого и не боюсь никого!» (Нижнекулойское пос., д. Ореховская, 2639-11); «Я – хозяйка! Я – хозяйка! Никого не боюсь! Я – хозяйка! Никого не боюсь!» (Нижнекулойское пос., д. Босыгинская, 2638-08). Таким образом, звуковые проявления обряда выполняют различные функции. Звук «одновременно создает и разрушает границу между “тем” и “этим” светом, защищает людей от потустороннего влияния, но и служит средством установления контакта, связи с обитателями иного мира»⁶.

Пространство перехода покойного на новое место маркируют особым образом: во время пути на кладбище на дорогу бросают еловые ветки. По представлениям деревенских жителей, таким способом «закрывают дороженьку» умершему домой (Нижнекулойское пос., д. Дьяконовская, 2626-17), обеспечивают ему благополучное перемещение, «чтобы спокойно отдыхал там» (Верховажское пос., д. Кошево, 2629-19).

Во время захоронения совершают ритуальные действия охранительного характера. Выкупают место, откупаются от покойного – бросают деньги в могилу с приговором: «Вот тебе деньги, ты нас не тревожь. Пухом тебе земелька!» (Олюшинское пос., д. Погост, 2613-07). Носовые платки, которыми «утирали слезы», отправляют следом за гробом в яму, чтобы покойник «не беспокоился» (Морозовское пос., д. Михайловское, 2582-02).

У могилы родственники дают «наказ» умершему: «Ты к нам не

ходи, а мы к тибе придём! Земля тибе – пух, веънной покой! Чем наряжон, тем будь доволен! От нас никово не уводи: не людям, ни животам (это животное), ни животам. Это вот все нам миты, все нам нужны! Земля тибе – пух! Ты к нам не ходи, а мы к тибе придём!» (Терменгское пос., д. Дор, 2656-08). В Нижнекулойском поселении приговаривают: «*Живи и знай: дом купила, одежду купила, обмыт – в чистоте, хлеб-соль положила! Ты ко мне не ходи, я без тебя справлюсь!*» (Нижнекулойское пос., д. Бревновская, 2649-23).

В Олюшинском поселении близкие родственники в процессе коммуникации с умершим «втыкали» в могилу пальцы руки (три средних пальца, крайние прижимали к ладони) и говорили: «*Я к тебе будуходить, а ты ко мне не ходи!*» (Олюшинское пос., д. Ботыжная, 2642-04). Обязательно обходили вокруг могилы три раза «*напоперёк солнышка*», приговаривая: «*Земля тебе наделена, дом тебе построён, что тебе положено, всё к тебе положено! Спи спокойно, нас не беспокой!*». По мнению деревенских жителей, это должно было избавить от страха и «*некогда в жизни некаково покойника не будёшь боетьце, и малавить не будёт*» (Олюшинское пос., д. Ботыжная, 2642-04).

Земля с могилы обладала магическими свойствами, способными уберечь домашних от дальнейшего вредоносного влияния умершего. Поэтому во время похорон посторонние люди клали эту землю за ворот близким родственникам покойного (Нижнекулойское пос., д. Урусовская, 2637-13). Ее также приносили домой и раскладывали повсюду, чтобы умерший не беспокоил живых и «*не казался*» им (Терменгское пос., д. Клыково, 2651-07). Клали землю в умывальник, чтобы затем умываться этой водой, не бояться покойного и не тосковать по нему – будет «*легче сердцу*» (Сибирское пос., д. Боярское, 2645-03).

Ритуальные действия, способные избавить от страха, тоски и печали, совершали в доме, как до выноса гроба, так и после посещения кладбища. Хозяйка, отправляясь провожать покойного из дома, должна была посидеть на стуле в том месте, где стоял гроб, чтобы «*спокойнее жить*», заглянуть в печь – «*кирпичики посмотреть*» (Коленгское пос., д. Ногинская, 2631-01). После возвращения с кладбища также необходимо заглянуть в печь, «*чтобы вся печаль ушла, вся чтобы печаль в пече осталасе*» (Нижнекулойское пос., д. Бсыгинасская, 2638-08).

После захоронения покойного в доме устраивали поминки: накрывали столы и собирали людей. Для умершего на стол (а затем на

божницу) ставили стопку вина, накрытую куском хлеба (Нижнекулойское пос., д. Ореховская, 2640-06). Стопка покойного стояла на божнице в течение сорока дней. К ней подкладывали какую-либо пищу – конфету, колбасу и др. (Морозовское пос., д. Михайловское, 2582-02). В сороковой день содержимое стопки выливали на росстанях* (Нижнекулойское пос., д. Ореховская, 2608-22). После поминовения в доме в день похорон на столе до утра оставляли остатки поминальной пищи и все столовые приборы (вилки, ложки, тарелки). Считали, что покойный с товарищами приходит домой на трапезу (Морозовское пос., д. Михайловское, 2582-02). Здесь находят выражение «представления о посещении душами умерших (родителями) своего дома»⁷.

Система поминальных дней первого года после похорон включала второй, девятый, двадцатый, сороковой («сороцины») и годовую («годину»). В эти дни утром поминали на кладбище, а затем накрывали столы в доме.

На второй день после похорон обязательно посещали кладбище с «завтраком» для покойного. У могилы обращались: «С завтраком пришли, вставай!» (Сибирское пос., д. Боярское, 2645-03). В Нижнекулойском поселении это называлосьходить «на обед», «обед снести» (д. Босыгинская, 2638-08, 2641-01).

У могилки здоровались с покойным: «придёшь, поздороваешься да перекрешишь да могилку»; затем зажигали церковную свечу: «пока свечка горит, дак постоишь около могилки-то» (Нижнекулойское пос., д. Урусовская, 2637-10).

Поминальная трапеза являлась главной составляющей поминальных дней. Для поминовения готовили кутью, пироги, шаньги, рыбники, блины, яйца. Деревенские жители указывают, что раньше варили пиво, в современное же время стали поминать вином либо водкой. На могиле возле креста покойному ставили стопку с вином и тарелку с угощением. При поминовении на могилу лили вино (или пиво), крошили еду (Нижнекулойское пос., д. Бревновская, 2649-23). Таким образом, наблюдается «обрядовая устойчивость “кормления” мертвого и творимых в его честь возлияний»⁸.

В поминальные дни первого года после похорон родственники совершили обходы дворов. В день похорон, во второй, девятый день родные покойного обходили дома в деревне с поминальной едой, которую составляла кутья, выпечка (оладьи или шаньги). При поминовении умершего хозяева дома перекрещивались, угощались и приговарива-

* Росстань – перекресток двух дорог.

ли: «*Помяни, Господи!*», «*Царьство небесноё!*» (Нижнекулойское пос., д. Ореховская, 2609-08); «*Царьство небесное, мне-то ве́чная память*» (Нижнекулойское пос., д. Щекотовская, 2608-14). Обходили и соседние деревни. В девятый, двадцатый и сороковой дни пекли «*маленькие лепешки*», похожие на оладьи, ходили по деревням и угождали всех в округе, оповещая: «*Помяните такую-то, она умерла*» (Верховажье, 2687-12).

Система поминальных дней охватывала весь годовой календарный круг. Ежедневно поминали в доме за утренней трапезой: «*А я вот и сейчас ешио всё поминаю, сяду вот цайку утром пить, даك всё: Царьство небесноё Егорушку!*» (Нижнекулойское пос., д. Ореховская, 2640-01). В церковные праздничные службы вспоминали умерших родителей. Кладбище посещали в родительские субботы (Покровская, Дмитриевская, Троицкая, Петровская), в Радунице (*«Радошноё»*) и в кануны больших праздников. Как отмечают деревенские жители,ходить на кладбище могли в любой день: «*как наскучит, так и пойдёшь на кладбище*» (Нижнекулойское пос., д. Урусовская, 2637-10).

Поминальные приговоры выполняли коммуникативную функцию и включали повсеместно следующие пожелания: «*Царьство небесное всем – родным и знакомым!*» (Наумовское пос., д. Князево, 2598-08); «*Царства небеснова, вечная память*» (Олюшинское пос., д. Слудная, 2614-12); «*Царство тебе небесное, светлоё тебе место, земля бы тебе пухом, рай Христовой!*» (Нижнекулойское пос., д. Дьяконовская, 2626-19); «*Царьство небесное, светлое место! Земля тебе пухом, ве́чной покой! Аминь, аминь, аминь*» (Терменгское пос., д. Дор, 2656-22). В приговорах обращались к Господу Богу с просьбой: «*Помяни, Господи, рабу божью Елизавету Константиновну, пусть земля ей будет мягким пухом!*» (Коленгское пос., д. Ногинская, 2671-44); «*Помяни, Господи, всех моих честных родителей!*» (Нижнекулойское пос., д. Бревновская, 2649-23).

Похоронно-поминальные причитания в традициях Верховажского района имеют следующие определения и характеристики: «*ревят*», «*мявкают*» (Нижнекулойское пос., д. Дьяконовская, 2626-20), «*ухают*» (Верховажское пос., д. Кошево, 2629-19), «*яро причитают*» (Чушевицкое пос., д. Владыкина Гора, 2616-06); «*во всю голову*» причитают (Коленгское пос., д. Ногинская, 2631-06). Художественными текстами (причитаниями, приговорами, молитвами) подчеркивается и выражается значимость каждого момента в системе похоронно-поминальной обрядности, «*устанавливаются, подтверждаются нормы обязательных взаимных отношений мира живых и душ усопших*»⁹.

Как отмечает А. М. Мехнечев: «Целостность содержания и структуры, взаимообусловленность всех элементов обрядового комплекса, а также определяющая роль смысловых начал, восходящих к древнейшим представлениям, позволяет рассматривать похоронно-поминальную обрядность в ряду наиболее устойчивых архаических форм русской народной традиционной культуры»¹⁰.

¹ Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. С. 40.

² Мехнечев А. М. Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности (поминальные дни) – по результатам экспедиций 1992–2000 гг. в Вологодскую и Смоленскую области // Народная традиционная культура и современность : материалы науч.-практ. конф. (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.). Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 103.

³ Здесь и далее в скобках указывается место записи (сельское поселение, деревня) и номер по фонду экспедиционных аудиоматериалов Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета.

⁴ Вторичная функция обрядового символа // Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Изд-во «Индрик», 1995. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования). С. 169.

⁵ Пашина О. А. Мир живых и мир мертвых в музыкальных звуках // Голос и ритуал : материалы конф., май 1995 г. М., 1995. С. 78.

⁶ Там же.

⁷ Мехнечев А. М. Указ. соч. С. 99.

⁸ Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. С. 59.

⁹ Мехнечев А. М. Указ. соч. С. 103.

¹⁰ Там же. С. 106.

А. В. ПОЛЯКОВА
(Санкт-Петербург)

ПЕСЕННО-ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ФОЛЬКЛОРА В ТРАДИЦИЯХ ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ ВАГИ

В 1998 г. под руководством А. М. Мехнечева была выполнена работа по созданию сборника «Песни, связанные с хореографическим движением в традициях Верховажья»¹. Фольклорные материалы посвящены одной из локальных традиций, сложившихся на тер-